РСФСР
МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
КУЙБЫШЕВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

НРБ
СТАРОЗАГОРСКИЙ
ОКРУГ
СТАРОЗАГОРСКИЙ
ОКРУЖНОЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ТРУДЯЩИХСЯ СТАРОЗАГОРСКОГО ОКРУГА И КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сборник научных статей

КУЙБЫШЕВ
1985

Тамара Соснина
Куйбышевский авиационный институт

ПЛЕВЕНСКИЕ СОБЫТИЯ В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

Ни один из этапов русско-турецкой войны не привлек к себе такого внимания, каким был отмечен период с июля по декабрь 1877 года, когда русские войска непрерывно атаковали Плевен. Этот болгарский город приковал к себе взоры не случайно: здесь решалась судьба войны, исход которой далеко не одинаково представлялся каждой из ее участниц.

Пресса уделяла большое внимание комментированию плевенских событий. На страницах иностранных газет и в русской печати появилось немало статей, авторами которых оказались люди различных взглядов и убеждений.

В середине XIX столетия западно-европейские державы были крайне заинтересованы в решении так называемой балканской проблемы. Россия как причерноморское государство ставила вопрос об открытии проливов, опасаясь, чтобы какая-либо сильная держава не завладела ими и не заперла вход в Черное море. Россия поддерживала национально-освободительное движение балканских славян против турецкого владычества. Англия, официально провозгласившая принцип невмешательства в балканские дела, всячески поощряла действия турецкого султана, который не шел ни на какие уступки восставшим славянским народам; тем самым провоцировала войну России с Турцией.

Как только русские войска в апреле 1877 года перешли границу, Британия стала готовить десантные части на Мальте и сосредотачивать свой флот в Безикском

заливе. В мае 1877 года А. М. Горчаков предупредил Дизраэли о возможном занятии зоны проливов русскими войсками. На это Англия ответила переговорами с Австро-Венгрией о совместном отпоре России. Но риск союзников был неравным. Английскому флоту не грозила встреча с русскими военными кораблями, так как их в Черном море не было. Австрия должна была вступить в войну со всеми вооруженными силами России. Поэтому Австрия от мобилизации отказалась, но предложила англичанам проводить совместную политическую линию в вопросах будущего устройства Востока. В начале июля, когда стратегическое положение России еще не было ослаблено плевенскими неудачами, английский министр иностранных дел Дерби заявил русскому послу в Лондоне, что занятие Константинополя приведет Россию к войне с Англией. В Англии несколько успокоились лишь тогда, когда армия Османа-Нурри-паши вошла в Плевну, важнейший во всей северо-западной Болгарии узел дорог. Сюда сходились пути из Рущука, Систова, Софии, Ловчи и даже через Шипкинский перевал из Казанлыка. Занятие этого небольшого городка турецкими гарнизонами создавало опасность нанесения флангового удара по перешедшей Дунай русской армии. Турки из Плевны угрожали прервать единственный путь сообщения Дунайской армии с ее тылом — Румынией и Россией. В штабе Дунайской армии предполагали взять крепость «с налета», в лоб. Но многочисленные атаки укреплений Плевны были отбиты турками с большими для русских потерями. Война затягивалась: это соответствовало английским интересам. В Англии открыто сочувствовали туркам. В официозной консервативной газете «Times» 1 октября 1877 года было напечатано письмо известного историка Эдварда Фримана по поводу соболезнований, публично высказываемых в Англии туркам даже людьми официального положения. «Это сочувствие всеобщее, — пишет Фриман. — Но обществен-

ное мнение сбивается с толку. Турки борются за империю. Они сражаются не за свою страну и за свой очаг, а за свою власть над «очагами и странами других людей». Корреспондента «Times» при русской армии поразило то, что антирусские настроения принадлежат людям самых различных мнений, оправдывающих свою неприязнь русской политике совершенно противоречивыми выводами. «Одни до сих пор не очнулись от страха русского вторжения в Индию и продолжают трепетать от мысли о русском могуществе, другие же доказывают, что такая слабая военная страна как Россия не должна была бы браться за дело, которое она не в силах исполнить, и т. д. Но все,—заключает журналист, — сходятся в одном — в ненависти к России»[1]. Англия содействует усилению турецких сухопутных сил: доставляла Турции в большом количестве различные предметы вооружения, давала кредиты на военные расходы и т. д. Корреспондент русской газеты «Голос» сообщил, что завод в Дортфорде по заказу турецкого правительства изготовил больше сотни митральез (первые пулеметы). Они были применены впервые 18 июля в Плевенском бою.

Англия старалась снабдить турок и военной информацией. Эту миссию во время войны 1877—1878 гг. часто выполняли английские журналисты. Фредерик Бойль, корреспондент английской газеты «DaiJy Nems», был официально выслан из Главной квартиры за границу Румынии в сопровождении жандарма за то, что, обязавшись честным словом не печатать никаких сведений, касающихся расположения русских войск, поместил в «Standart» (от 24 августа) подробное описание их позиций под Плевной, с указанием слабых сторон. Некоторые иностранные журналисты осмеливались в официальной печати выбалтывать важные стратегические планы русских, а тайными каналами враги России имели возможность получить и более ценную информацию, которая становилась достоянием и турецкой Главной квартиры.

В ноябре, когда положение Османа-паши в Плевне было почти безнадежным, в Англии началась вербовка волонтеров для Турции. Английская газета «Manchester Etaminer» опубликовала письмо одного завербовавшегося англичанина своему брату, из которого ясно, что таких молодцов набралось более двухсот[2]. Газета «Morning Pust» в это время плакала: «Пока не случилось большое бедствие (не пала Плевна), надо вступиться как можно скорее за Турцию, иначе контроль над Европой и Азией перейдет совершенно в руки русско-германской конфедерации»[3]. Падение Плевны вызвало в Лондоне большую тревогу. Отношения с Россией были натянутыми. Королева Виктория писала премьеру отчаянные письма, уверяя: будь она мужчиной, то немедленно отправилась бы бить русских. Таким образом, Англия была явным противником России, с ее стороны все время была реальная угроза военного вмешательства. В. И. Ленин в 1916 году писал: «...долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов»[4].

Политика другой великой державы — Германии велась столь скрытно, что истинные намерения этого растущего капиталистического государства оказывались хорошо замаскированными. Мечтая о дальнейшей агрессии и опасаясь реванша со стороны Франции, разгромленной в 1870—1872 гг., правящие круги Германии боялись в то же время столкнуться с коалицией великих держав. Особенно беспокоила их Россия. События 1875 года (Бисмарк в это время обвинял Россию в том, что она хочет прослыть «спасительницей» Франции) утвердили канцлера в убеждении, что русская дипломатия — главный противник немецкой агрессии. Отсюда и его ненависть к России. Пруссия стремилась ослабить силы России и Австро-Венгрии. Обостряя отношения России с Турцией, Бисмарк обеспечивал значительное ослабление

русских вооруженных сил на восточной границе Германии и, следовательно, укреплял ее военное положение. Во время войны с Турцией России потребовалось бы перебросить на Балканы и в Закавказье войска с западных границ государства, а это сделало бы практически невозможным франко-русский военный союз. Этого и добивался Бисмарк. Хорошо разбиравшийся в международной обстановке русский военный министр Д. А. Милютин 14 января 1877 года записал в дневнике: «Более всех других желает нас ослабить именно та держава, которая считается лучшим нашим другом — Германия. Давно уже русские дипломаты и генералы внушают нам необходимость войны с Турцией и стараются уверить нас, что нам следует направить против нее большие силы. Сам Бисмарк развивал то же мнение...»[5].

Третье крупное государство Западной Европы — Австро-Венгрия после поражения в австро-прусской войне 1866 года вышла из Германского союза и направила свое внимание на Балканы. Чтобы предотвратить освобождение славян, австро-венгерское правительство под влиянием немецкой буржуазии и мадьярского дворянства старалось поддерживать целостность Оттоманской империи и тормозить освобождение из-под ее ига как южных славян, так и румын. Россия покровительствовала славянскому национальному движению. Она оказывалась главным противником Австро-Венгрии, а русское влияние на Балканах — важнейшим препятствием для успеха австро-мадьярской политики. Русское правительство накануне войны с Турцией не желало ссориться с Австро-Венгрией. Но попытки министра иностранных дел России заручиться ее поддержкой не привели к желаемым результатам. Рейхштадское соглашение 8 июля 1876 года таило в себе множество недоразумений и конфликтов и не внесло ничего определенного во взаимоотношения Австрии и России. 15 января 1877 года в Будапеште была подписана секретная конвенция, ко-

торая обеспечивала нейтралитет Австро-Венгрии в войне России против Турции. Но за это Россия обязалась уплатить огромную цену: результаты ее возможной победы заранее урезались до минимума.

Франция и Италия не были непосредственно заинтересованы в делах Балканского полуострова и практического участия в войне не принимали.

Когда началась война России с Турцией, в Дунайскую армию прибыли военные корреспонденты иностранных газет. Многие из них стали свидетелями событий, развернувшихся под Плевной. Свои статьи о Плевне зарубежные журналисты помещали во многих русских газетах и журналах того времени. В частности, свои страницы предоставляли им газеты «Московские ведомости», «Русский мир». За период с июля по декабрь 1877 года в этих газетах было опубликовано 45 подробных сообщений (не считая небольших обзорных заметок и телеграмм) причем, только 5 из них в «Русском мире», где печатались сообщения, взятые преимущественно из других русских газет, таких как «Правительственный вестник», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Голос», «Политическая корреспонденция», «Русский инвалид», «Военный летучий листок», «Северный вестник». Журналы «Русская старина», «Иллюстрированная газета», «Славянский мир», «Будильник», «Вестник Европы», «Общее дело» предоставляли много места сообщениям корреспондентов с театра военных действий. Газета «Самарские губернские ведомости» под рубрикой «Местный отдел» публиковала материалы, отражающие «сочувствие Самарского общества» к происходящей борьбе, отчет о сборах пожертвований и т. д.

Впервые название Плевны появилось на страницах газет 8 (20) июля 1877 года. В этот день 3 полка 9-го корпуса атаковали Плевен. Турки еще перед войной на совещании в Константинополе решили «в случае на-

ступления противника к западу от четырехугольника крепостей, взять его во фланг армией, сосредоточенной по линии Плевна-Ловча, и ядром для которой должны были послужить все свободные войска Османа-пашни»[6]. Официальная корреспонденция («Московские ведомости») давала скупой перечень событий, но даже в нем отмечалась неудовлетворительная работа русской разведки, крайне недостаточный подвоз снарядов.

Корреспондент газеты «Daily News» в сообщении от 3 августа 1877 года писал: «Первое дело у Плевны было серьезной неудачей, испытанной русскими на европейском театре войны. Это неудача объясняется отсутствием обычной военной предосторожности»[7]. Иностранные газеты отмечали «беспечность» и турецкого командования. Корреспондент газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» писал: «Турки могли бы извлечь выгоду из успеха под Плевной... Если бы турки продвигались по 20 верст в день к Беле, то в 4 дня они могли бы достигнуть важного узла военных сообщений»[8]. Корреспондент газеты «Times» сожалел, что «турки не пользуются выгодами, достигнутыми в бою, а ограничиваются пока вытеснением русских из Плевны. Осману же нужно идти на Систово»[9].

В штабе Дунайской армии первая плевенская неудача создала неприятное впечатление, но должных выводов никто не сделал. Русским войскам был отдан приказ вновь напасть на Плевну. Небольшой численный перевес, имеющийся у русских, поглощался необходимостью брать более сильные укрепления турок, чем это было при первой Плевне. Полное отсутствие плана и расчет на действия в зависимости от хода событий на поле боя ставили русские войска в тяжелое положение. Свидетелями кровавого боя 18(30) июля стали многие иностранные и русские журналисты.

Корреспондент «National Zeitung», свидетель второго дела под Плевной, рассказывал: «Бой продолжался

утром 19 (31) июля. Турки в эти часы не погнушались употребить весьма двусмысленное средство. Имея в руках русские военные мундиры (после дела 8 июля), они надели их и появились пред цепью стрелков, которые приняли их за свои форпосты и пропустили, тогда турки сбросили русские фуражки, и, надев фески, бросились на русских. К 11 часам утра одно из самых кровавых сражений было кончено. Я с младшими членами корпусной квартиры 9-го корпуса, с офицерами прусского генштаба, датского, шведским, французским и японским офицерами делился впечатлениями предыдущего дня. Все мы были единодушны в мнении о храбрости и мужестве русских воинов. Один раненый офицер рассказывал, что ему удалось бы овладеть неприятельской позицией... турки, убедившись в том, что подкрепления к нам не подойдут, бросились вперед и отбросили нас обратно со страшным уроном»[10]. Корреспондент «Биржевых Ведомостей» писал: «Это не был бой, это была бойня!»[11]

Плевна стоила русским 7000, а туркам лишь 1200 убитых и раненых, но Осман не понял объема своей победы. Упорство штыковых атак русских, как при 1 Плевне, остановили его от преследования русских. В результате достигнутый успех не дал туркам того, что мог бы дать.

В этом бою выяснился не только низкий уровень военного искусства русских генералов Криденера, Бельяминова, Шаховского и им подобных, но были видны проблески нового, прогрессивного военного искусства в действиях отряда генерала Скобелева. Имея всего 1 тыс. чел. пехоты и 2 тыс. казаков с 12 орудиями, и получив от командира корпуса задачу пассивного характера, он сам выбрал правильное направление удара и, смело обойдя правый фланг турок, вышел с юго-востока почти к самой Плевне в тыл противнику. Если бы у Шаховского в это время был хотя бы небольшой, но

длительный успех, активные действия этой маленькой группы конницы и пехоты могли бы иметь решающее значение. Этого не случилось, и Скобелеву пришлось отступать, сведя на нет достигнутый успех.

Эффект II плевенского сражения был велик. Наиболее увлекающиеся из иностранных военкоров, враждебно настроенные к русским, со злорадством писали, что военный престиж громадной России изорван в клочья столь пренебрегаемыми турками. Конечно, такая оценка событий рождена была в погоне за сенсацией, но надо отдать должное, что в русском обществе и армии это поражение действительно произвело гнетущее впечатление. II Плевна вскрыла слабые стороны вооруженных сил России и показала, что надо думать не о триумфальном походе на Стамбул, а готовиться к обороне впредь до подхода из глубокого тыла подкреплений. Правительство и высшее военное командование, прежде всего, попыталось скрыть свои неудачи от русского общества. Они делали это так старательно, что даже правящие круги России имели туманное представление о происшедшем под Плевной. Создавшееся в результате этого настроение в русском обществе наглядно обрисовывает письмо одного из крупнейших представителей реакции, тогда члена Государственного совета К. П. Победоносцева, своему бывшему ученику в. к. Александру Александровичу от 6 июля 1877 года: «Мы здесь в ужасном состоянии, в невообразимом волнении и страхе вследствие неожиданных неудач под Плевной, а особенно вследствие упорного молчания кажущегося каким-то зловещим, а иностранные газеты и телеграммы приносят нам слухи и вести одна другой хуже...»[13]. Заграничная печать живо обсуждала события у Плевны. Русская пресса должна была как-то объяснить читателям неудачу. В 197 номере «Московских ведомостей» признавалось, что «небольшая доля правды в статьях инокоров есть (указания на медлительность Криденера и

поспешность Шаховского, на недостаточность энергичности ведения атаки против «Ключа» — Гривицкого редута и т. д.). Причину же русские нашли в том, что «диспозиция Криденера не была точно исполнена неизвестно по чьей вине. Турки-де выиграли случайно». Но, к сожалению, эта случайность слишком дорого обошлась русскому солдату! Часто русским не хватало патронов, и враг этим пользовался. В «Особом приложении» к 203 номеру «Московских ведомостей» был описан один из эпизодов битвы за Плевну 18 (30) июля, когда атака архангелогородцев задержалась из-за недостатка патронов. Русские не отвечали на выстрелы турок. И тут раздался голос из-за завала противника: «Что, братцы, патронов не хватает? Идите до нас, мы вам дадим сколько хотите!» Несмотря на преимущество в военном снаряжении, турки очень боятся русского «Ура!» и штыков. Они храбро дерутся лишь в окопах. Турецкая пехота неизменно заявляла: «Сами не знаем, что с нами делается, как заслышим русское «Ура!» совсем теряемся! Вот и бежим тогда куда ни попало!»[14].

Правительство и штаб армии видели, что престиж их сильно подорван и для немедленного поднятия его нужны решительные меры. Настроение в штабе Дунайской армии, несколько поднялось только с победой у Ловчи. В ускоренном порядке был разработан новый план генерального штурма Плевны, назначенного на 11 сентября (30 августа). На этот раз в намечавшемся большом сражении русские должны были действовать вместе с войсками Румынии, незадолго перед тем, 3 июня, официально объявившей о войне с Турцией.

План боя отличался бедностью замысла, положение ухудшалось и тем, что день для атаки выбрали по соображениям, не имеющим никакого отношения к военной обстановке — день именин Александра II. Главнокомандующий в донесении к царю писал: «От всей души

поздравляю с днем ангела, и да поможет нам Господь образовать тебя сегодня чем-нибудь хорошим»[15].

Это преступное действие нашло тогда же отражение в словах русской «Дубинушки»:

...В именины царя, чтоб ему угодить,
много наших солдат уложили...

Желание во что бы то ни стало угодить императору привело к тому, что наступление на Плевну началось в условиях устойчивой дождливой погоды, сильно затруднявшей передвижение войск и снижавшей меткость стрельбы и видимость на поле боя. Иностранные журналисты в своих заметках с театра военных действий, указывали, что «русские постоянно делают и повторяют ошибку, посылая слишком незначительные силы в атаку на сильные позиции»[16].

Героизм русского солдата и русское военное искусство не принесли победы, но показали силы и способность русской армии, которая при более благоприятных условиях могла бы быстрее обеспечить России успех. В результате III неудачи под Плевной русские потеряли до 40% (действующего) состава армии (около 15 тысяч человек). Корреспондент «Presse» отметил, что русские гибнут не только от турецких пуль, но и из-за плохой постановки госпитального дела.

После неудачи под Плевной война на два с лишним месяца переходит к позиционной войне, чтобы не выпустить армию Османа из окружения и воспрепятствовать прибытию подкреплений. Для руководства блокадой вызвали из Петербурга героя обороны Севастополя в Крымской кампании генерала Тотлебена. С прибытием его под Плевну многое изменилось. Корреспондент «С-Петербургских ведомостей» сообщал: «Тотлебен развивает под Плевной усиленную деятельность: он завел чертежные, призвал лучших инженеров, и денно и нощно работает над составлением подробных карт русских и неприятельских позиций»[17]. В это же время была

произведена съемка окрестностей Плевны (топографы Семенов и Бутович производили работы под выстрелами)[18]. А корреспондент газеты «Новое время» отметил: «Раньше сужение кольца вокруг Плевны было очень неравномерным. Тотлебен все уравнял, он осмыслил и постановку орудий. Есть пункты, где прежде не стояло ни одного орудия, теперь их десятки. Зато там, где стояло 16 орудий, теперь нет ни одного. Сейчас указываются места для огня каждой батареи, для общих залпов строго уясняется цель и назначается минута»[19].

Штурмов никаких не предполагалось. «Четвертой Плевны не будет!», — твердо заявил Тотлебен Александру II, и это стало основным лозунгом всей его деятельности под Плевной. Траншеи постепенно охватывали все более пространство перед неприятельскими позициями, не встречая серьезного противодействия со стороны турок, которые приберегали запас снарядов ко дню решительной атаки. Особенно быстро велись саперные работы с восточной стороны.

Начальником кавалерии (как русской, так и румынской), расположенной в окрестностях Плевны, назначен был генерал Гурко. Он обратил внимание на Софийское шоссе (самую важную, жизненно важную артерию Плевны). Осман-паша держал еще в своих руках этот последний ключ к Плевне.

Передовой отряд генерала Гурко начал с нападения на турецкие укрепления у Горного Дубняка. Город был взят, его гарнизон вместе с командиром Ахмед-Хивзи капитулировал. Победа стоила дорого, но она стала важным шагом на пути создания действительно жесткой блокады Плевны. Ряд важных тактических пунктов: Правец, Этрополь, Орхани, Дубняк Дальний и др. также перешли в руки русских. Одновременно союзным румынским войскам удалось 21 сентября захватить Рахово и этим прервать связь Плевны с Виддином.

Ф. Каниц в «Allgemeine Zeitung» поместил статью о

действиях отряда Гурко: «Потеря турками важного куска дороги между Дальним Дубником и Луковце передала ключ сообщений Плевны с ее вспомогательными источниками в русские руки. Осман должен будет прорывать железное кольцо. Эти неудачи сильно подействовали на местное турецкое командование. Оно решило не пытаться не только выручить, но даже и поддерживать связь с осажденной Плевной. (Все силы были брошены на оборону Балканских перевалов)»[20]. Гарнизон Плевны мог рассчитывать теперь только на свои силы, положение становилось критическим. Уже в октябре началось массовое бегство турецких солдат из Плевны.

Вопрос о судьбе армии Османа, о шансах к его спасению из русско-румынского кольца с особой горячностью обсуждался в австрийских газетах. Так, «Politische Correspondenz» давала следующую оценку положения воюющих (конец октября): «После подхода с русской стороны 90 тыс. и 30 тыс. румын — всего 120 тыс. человек. Осман-паша едва ли располагает половиною таких сил (у него самое большое 50 тысяч человек)[21].

Корреспондент «Daily News» сообщил от 14 (26) октября: «С тех пор, как Гурко принял начальство над кавалерией, ни один обоз турок не проник в Плевну»[22]. Взятие Карса окончательно обескуражило турок. О том, какое впечатление произвело это событие, можно судить по содержанию письма из Константинополя от 17(29) ноября (т. е. за несколько дней до падения Плевны), от лица занимающего доверенное положение при одном из «высоких сановников» Оттоманской Порты:

«Мы начинаем открывать глаза на тяжесть наших бедствий. Наша воинская честь, патриотизм и верность нашей нации спасены, но дело мы считаем проигранным... Наши средства истощены... До тех пор, пока держался Карс, мужество наше не падало, но оно пало со стенами Карса, и враг, перешагнув их, нанес нам смер-

тельный удар. Плевну и Эрзерум ждет такая же участь»[23]. В войсках начался ропот. Осман принужден был переодеваться и спать в разных палатках, боясь убийц. Оставалось одно — прорваться сквозь окружения. Днем выступление было назначено 27 ноября. Каждому солдату был выдан 6-дневный запас сухарей и патронов. Вечером армия Османа сосредоточилась под Видом. Ночь с 28 ноября (9 декабря) на 29 ноября (10 декабря) прошла в деятельной работе и приготовлениях к бою. До рассвета турки успели навести 2 моста, употребив на это телеги и доски. Русскими были приняты меры противодействия. С 7 1/2 час. утра турки массою тысяч в 40 во главе с Осман-пашой обрушились на 3-ю гренадерскую дивизию, стоявшую в сплошь укрепленной позиции. Бой был самый ожесточенный и длился 4 часа. Укрепления переходили из рук в руки: торжествующее «Ура!» сменялось торжествующим «Аллах!» Сибирский полк бился с отчаянным мужеством.

Элемент внезапности, на котором строился весь расчет, был утерян. По сведениям «Polit Cor» Осман-паша стремился пробиться не только к Виду, но и на юге в направлении «Зеленых гор». Осман делает последнее усилие — бросается вперед, увлекая за собой войска, но его ранят в ногу. Дружная атака русских привела турок в отчаяние. Они видели, что прорваться не удасться. Турки подняли белый флаг. Бой кончен. Осман объявил о капитуляции армии. Это сражение стоило туркам, как сообщила «Presse», 6 тысяч убитых и раненых, 34 тысячи пленных, 70 тысяч ружей, 24 полевые батареи, 40 осадовых орудий. Потери русских 2 тысячи. человек. Кровавая плевенская полугодовая эпопея кончилась.

Взятие Плевны русскими имело большой резонанс как на фронте, так и в России. Всем казалось, что самое трудное позади и война скоро кончится. Интересное описание празднования дня победы у Плевны име-

ется на страницах «Самарских губернских ведомостей» (30 ноября, № 93). По отзыву современников, «этот день принадлежит к числу тех, которые не забываются никогда». Капитуляция армии Османа рассматривалась как самое крупное событие в данной войне, которое нельзя ставить в один ряд ни с одной другой победой 1877 года.

Следует остановиться на неоднократно освещаемом русской и зарубежной прессой героизме русских солдат. Русская армия под Плевной по вине главного командования потеряла несколько тысяч своих лучших сынов. Скромный герой боевой жизни — русский солдат — показал чудеса мужества и героизма.

«Надо знать наших солдат, — писал работавший на фронте знаменитый терапевт профессор Боткин, — этих добродушных людей, идущих под пулевым градом на приступ с такою же покорностью, как на ученье. Не одна тысяча этих хороших людей легла безропотно с полной верой в святое дело, за которое они... с такою покорностью отдают свою жизнь»[24].

Высокое чувство долга перед родиной объясняло и упорство боев, в которых тысячи русских солдат шли в огонь и умирали. Инокоры нередко в своих сообщениях восхищались героизмом русских воинов[25] и отмечали, что русские умеют ценить мужество и во враге. «Турки дерутся стойко во время перестрелки, но не выдерживают удара в штыки и обращаются в бегство, во время которого они стреляют через плечо наугад, но лишь только заметят, что русские начинают их настигать, как бросают все лишнее оружие, феску, куртку, освобождаются с неимоверным проворством от своей широкой одежды и пускаются бежать с такой примечательной быстротой, что догнать их нет уже никакой возможности»[26].

В печати появлялись сведения и о плохом снабжении армии продовольствием. Многие предприимчивые дель-

цы наживались на этом. Плохо было поставлено и медицинское обслуживание. Корреспондент «Sielhe» пишет: «Я имел случай поговорить с некоторыми русскими докторами. Эти господа утверждают, что им не удается спасти и одного из 20-ти оперированных, потому что в ранах тотчас же обнаруживается гангрена и через несколько часов пациент умирает»[27]. А как перевозились несчастные раненые?! Евгений Утин в «Вестнике Европы» писал: «Какими словами могу я передать то невыносимо едкое впечатление, которое не мог не испытать даже самый бездушный человек. Нет таких слов! Для того, чтобы понял каждый всю бесчеловечность той пытки, которой подвергается русский солдат, нужно взять человека, подвести его к одной из таких телег и сказать: «Смотри!» Кто не видел собственными глазами этих мученников, брошенных в отвратительные тряские телеги, без всяких приспособлений (даже без соломы!), тому не понять этих адских истязаний. Подойдите к телеге, и вы не простоите и 5 минут, гной от ран, вид запекшейся крови, грязных рубах, окровавленного и разорванного платья, стоны, леденящие сердце, эти слезы, крупными каплями падающие на ввалившиеся щеки...»[28].

Подводя общий итог, надо отметить, что сообщения русских корреспондентов о военных действиях под Плевной, в основном, не отличались от иностранных. Чаще всего разница между ними сводилась к тому, что в русской прессе пытались все объяснить «провидением». Эта тенденция выявилась однако не сразу. Она стала ощущаться лишь по мере того, как «русская деспотическая власть все ярче и осязательнее обнаруживала свою неспособность стоять во главе Главной квартиры».

Плевенские события получили широкий отклик среди русского населения. Народ старался помочь как войскам, стоявшим под Плевной, так и братьям-болгарам. «Московские ведомости» периодически публикова-

ли сообщения о пожертвованиях пострадавшим в войну в пользу раненых, больных, в пользу славян. «Московские ведомости» сообщали, что пожертвования идут от далеко небогатого простого кретьянского населения. Пожертвования поступили от крестьян Покровской слободы (Новоузенского уезда) Самарской губернии, села Булаково (Николаевского уезда Самарской губернии), города Сызрани и т. д.[29].

За июль-ноябрь 1877 года в редакцию газеты «Московские ведомости» поступило пожертвований в пользу балканских славян на сумму 98458 рублей[30]. «Губернские Самарские ведомости» сообщали, что с 1 по 11 июня от жителей Самарской губернии поступило 25250 рублей. Корреспондент «Русского мира» писал 30 сентября 1877 года из Самары: «В июле управляющий Оренбургской железной дороги предложил через начальников служб всем служащим подписаться на известный процент вычета из жалования в пользу санитарных нужд действующей армии. Все служащие, не исключая никаких национальностей, единодушно откликнулись на этот призыв и... дружно усеяли подписями подписные листы»[31].

В 53 номере «Самарские губернские ведомости» от 13 июля в «Местном отделе» под заголовком «Как выражается сочувствие Самарского общества к происходящей борьбе» писали: «Женщины десятками являются с просьбой о принятии их в сестры милосердия или санитарную прислугу». В Самаре был устроен госпиталь на 350 мест. Все медики города изъявили полную готовность лечить больных и раненых безвозмездно. Под госпиталь отвели здание, где заседало Благородное собрание.

Болгарский народ также старался всеми силами помочь русским в борьбе с турками. С начала вступления войск в Болгарию между русскими солдатами и болгарами, как единогласно засвидетельствовали все

корреспонденты, установились дружеские, родственные отношения. Во всех городах и местечках, куда впервые входили русские войска, болгарское население встречало их хлебом-солью; солдаты относились к болгарам с искренним сочувствием. Болгары стали называть русских солдат «братушками».Иван Вазов запечатлел в своих произведениях немало сцен, где раскрывалась радость болгарских крестьян и ремесленников при встрече с русскими воинами-освободителями.

«Пахарь с пашни подошел,
Их встречает изумленный...
Шумно, празднично кругом,
И наряды, и румяны
К храбрым девушкам спешат,
И в цветах ряды солдат,
Ружья, сабли, кони, пушки...
Словно братьев дорогих,
Все встречают их:
«Здравствуйте, братушки!»

Во время боев болгары под выстрелами неприятеля приносили русским солдатам воду и пищу, причем в эти опасные экспедиции посылались даже дети; женщины ночью обходили места сражений, подбирали раненых и оказывали им первую помощь. Корреспондент «Голоса» сообщил: «Болгары следуют за русскими в малейшем их движении — отступают ли они, или идут вперед, — и все с той же невозмутимою уверенностью в силе своих защитников»[32]. Русское командование создало спецотряд под командой генерал-лейтенанта Карцова, цель действий которого состояла в спасении болгарских семейств от зверств турок. Бок о бок сражались русские с болгарами и в болгарских дружинах.

Болгарский народ с редким вниманием, заботой и сердечностью чтит память тех, кто отдал жизнь за свободу и независимость их Родины. На вершине горы в Пловдине стоят два помятника: обелиск в память вои-

нов, погибших в 1877—1878 гг., и монумент советскому воину, принесшему свободу Болгарии в 1945 году. В XIX в. русский народ освободил своих братьев от пятивекового турецкого ига, в XX в. — от немецко-фашистской кабалы. Летом у подножия памятников всегда цветы. А у мавзолея, воздвигнутого в память русских воинов, погибших под Плевной, надпись

«Герои, на ваших костях
родилась наша свобода»

сделана из вечнозеленого самшита. Кусты посажены еще в 1903 году, когда был выстроен мавзолей, и с тех пор всегда аккуратно подстригаются и тщательно оберегаются. Эта идущая из глубины сердца благодарность тем, кто боролся за свободу Болгарии, поражает силой и горячностью чувства.

Дружба и братство русского и болгарского народов в наши дни получили качественно новое наполнение. «Истекшие четыре десятилетия социалистического строительства, самоотверженного труда.., — сказал Т. Живков на открытии национальной выставки «Народная Республика Болгария — 40 лет по пути социалистического восхода», — это самый плодотворный период во всей 13-вековой государственной летописи нашей Родины»[33]. Создана новая Болгария, которая в едином ряду с Советским Союзом и другими братскими социалистическими странами уверенно строит развитое социалистическое общество.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Московские ведомости. 1877, № 240, 242.
2. Там же, № 281.
3. Там же, № 270.
4. **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 19, с. 281.
5. **Фортунатов П.** Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950; с. 80; Архив Д. А. Милютина «Воспоминания», 1877, лист 4.
6. Там же, с. 95.
7. Московские ведомости, 1877, № 189.

8. Там же, № 188.
9. Там же, № 183.
10. **Фортунатов П.** Война 1877—1878 гг. и освобождение Болгарии. — Русская старина, 1877, № 6, с. 806.
11. Московские ведомости, 1877, № 196.
12. **Фортунатов П.** Указ. соч., с. 101; Письма Победоносцева к Александру III, т. I, с. 67—68.
13. Московские ведомости. 1877, № 197.
14. Там же, 1877, № 207.
15. **Фортунатов П.** с. 117; Сборник материалов по истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове, вып. 15, с. 67.
16. Московские ведомости, 1877, № 225.
17. Там же, № 255.
18. Там же, № 264.
19. Там же, № 290.
20. Там же, № 268.
21. Там же, № 270.
22. Русский мир, 1877, № 186.
23. Московские ведомости, 1877, № 299.
24. **Боткин С. П.** Письма из Болгарии. — Вестник Европы, 1892, № 5, с. 257.
25. Русский мир, 1877, № 254, 18 (30) сентября.
26. Там же, № 296.
27. Общее дело, 1877, № 5, с. 15.
28. Вестник Европы, 1877, ноябрь.
29. Московские ведомости, 1877, № 183.
30. Там же, № 184.
31. Там же, № 175, 180, 194, 227, 247, 255, 264, 300.
32. Там же, № 215.
33. Правда 1984, 2 июня.

Иванка Костова

Старозагорский дом просвещения при Окружном комитете БКП

ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ СТАРОЗАГОРСКОГО ОКРУГА СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 1917—1923 гг.

Болгарский народ всегда был благодарен русским братьям за помощь, оказанную ему в 1877—78 гг. И поэтому, узнав о голоде, постигшем Советскую Россию,